

Павел Бирюков

Биография Л.Н.Толстого.

Том 4

Павел Иванович Бирюков

Биография Л.Н.Толстого. Том 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22489818

Аннотация

«...Л. Н-ч жил в это время в Москве с семьей. По записям его дневника заметна некоторая физическая слабость, навевающая на него грустные думы. Он даже начинает каяться в грехах своей юности. Вспомнил свое отрочество, главное юность и молодость...»

Содержание

Часть 1. 1900–1902 Отлучение. Крымская болезнь	4
Глава 1. 1900 г. Трансваальская война. Духоборы	4
Глава 2. 1901 год. Отлучение	44
Глава 3. Выражения сочувствия по случаю отлучения	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Павел Иванович Бирюков

Биография

Л. Н. Толстого. Том 4

Часть 1. 1900–1902 Отлучение. Крымская болезнь

Глава 1. 1900 г. Трансваальская война. Духоборы

1-го января Л. Н-ч делает в дневнике такую запись:

«Сижу у себя в комнате, и у меня все, встречая Новый год. Все это время ничего не писал, нездоровится. Много надо записать».

Л. Н-ч жил в это время в Москве с семьей. По записям его дневника заметна некоторая физическая слабость, навевающая на него грустные думы. Он даже начинает каяться в грехах своей юности. Вспомнил свое отрочество, главное юность и молодость: «Мне не было внушено никаких нравственных начал, никаких, а кругом меня большие с уверенностью курили, пили, распутничали (в особенности распут-

ничали), били людей и требовали от них труда. И многое дурное я делал, не желая делать, только из подражания большим».

В то же время мысли его проникают самую сущность вещей, и он делает интересные и глубокие обобщения:

«Ехал наверху на конке, глядел на дома, вывески, лавки, извозчиков, проезжих, прохожих, и вдруг так ясно стало, что весь этот мир с моей жизнью в нем есть только одна из бесчисленных количеств возможностей других миров и других жизней, и для меня есть только одна из бесчисленных стадий, через которую мне кажется, что я прохожу во времени».

Интересна запись, которую делает Л. Н-ч через несколько дней:

«Читаю газеты, журналы, книги и все не могу привыкнуть приписать настоящую цену тому, что там пишется, а именно: философия Ницше, драмы Ибсена и Метерлинка и наука Ломброзо и того доктора, который делает глаза. Ведь это полное убожество мысли, понимания и чутья». «Читаю о войне на Филиппинах и в Трансваале, и берет ужас и отвращение. Отчего? Войны Фридриха, Наполеона были искренни и потому не лишены были некоторой величественности. Было это даже и в Севастопольской войне. Но войны Америки и Англии среди мира, в котором осуждают войну уже гимназисты, – ужасны».

8-го января у Л. Н-ча в Москве пел Шаляпин. Около этого же времени совершилось интересное событие – знакомство

Л. Н-ча с Горьким, пришедшим к нему в Москве. И Л. Н-ч отмечает в дневнике это событие такими словами:

«Был Горький. Очень хорошо говорили. И он мне понравился. Настоящий человек из народа. Какое у женщин удивительное чутье на распознавание знаменитости! Они узнают это не по получаемым впечатлениям, а по тому, как и куда бежит толпа. Часто, наверное, никакого впечатления не получила, а уже оценивает, и верно».

В то же время продолжается его дружба с Чеховым. Л. Н-ч очень ценил его и как человека, и как художника, но не одобрял его драматических произведений.

Так 27 января он записывает: «ездил смотреть «Дядю Ваню» и возмутился». Но, видно, все-таки драма задела его за живое, потому что он прибавляет: «Захотел написать драму «Труп», набросал конспект. Мне кажется, что в драме «Живой труп» есть нотки, навеянные произведением Чехова. Такова тайна художественного творчества».

Тут же Л. Н-ч дает интересное определение материи и движения, определение, могущее послужить основанием целой философской системы.

«Сережа с Усовым говорили о различных пониманиях устройства мира: прерывности или непрерывности материи. При моем понимании жизни и мира – материя есть только мое представление, вытекающее из моей отделенности от мира. Движение же есть мое представление, вытекающее из моего общения с миром, и потому для меня не существует

вопроса о прерывности или непрерывности материи».

В начале января приезжал в Москву Вл. Вас. Стасов. Л. Н-ч ходил с ним в Третьяковскую галерею и высказывал отрицательное отношение к картинам Васнецова и, наоборот, любовался картинами Н. Н. Ге.

В это время у Л. Н-ча в его отношении к семейным замечается некоторое успокоение; так, в письме к своей дочери Т. Львовне Л. Н-ч пишет: «в нашей жизни хорошо то, что я живу очень дружно с мамой, что главное, и также с Сережей, все ближе и ближе, и умильнее и умильнее. Когда начинает расспрашивать о действии моего желудка, или с робостью предлагает мне потереть спину в бане – то это действует особенно умильно».

К концу января восстановившееся было здоровье Л. Н-ча снова пошатнулось, но, слава Богу, не надолго.

В это время англичане вели войну с бурами во имя «цивилизации».

Это ужасное преступление лжи и жестокости сильно волновало Льва Николаевича.

Для всех было очевидно, что англичане рано ли, поздно ли задавят своим кулаком храбрых, но слабых буров. И эта слабость их внушала к ним невольную симпатию. На этой симпатии поймал себя и Л. Н-ч.

Один корреспондент так передает разговор со Л. Н-чем по поводу трансваальской войны:

«О своих работах граф говорил вообще неохотно, но едва

речь зашла о Трансваале и англо-трансваальской войне, великий старик оживился; глаза его заблестели.

– Знаете ли, до чего я доходил, – сказал он, – Теперь этого уже нет; я превозмог себя... Утром, взяв в руки газету, я страстно желал всякий раз прочесть, что буры побили англичан. Эта война – величайшее безрассудство наших дней. Как! Две высоко цивилизованные нации, голландцы и англичане, истребляют друг друга; Англия, страна, гордившаяся титулом, свободной страны, пытается раздавить малочисленных буров, не сделавших англичанам ни малейшего вреда. Это что-то непонятное, невероятное!..

– Знаете, на что это безумное нападение похоже? – заметил после небольшой паузы Лев Николаевич. – Это то же самое, если бы мы с вами, люди уже старые, вдруг поехали к цыганам в «Стрельну», утратив всякий стыд. И эта бойня, заметьте, совершается после Гаагской конференции, так называемой. Трансваальская война – знамение нашего времени, но печальное знамение, говорящее, что миром управляет бездушное торгашество...»

Граф, помолчав, добавил:

– Из Трансвааля мне пишет один мой знакомый, находящийся теперь там, потому обстоятельства тамошние мне хорошо известны».

Слова Л. Н-ча были подхвачены, и оказалось, что Толстой на стороне буров и стало быть одобряет все их действия. А для Л. Н-ча далеко не все действия буров были симпатичны,

и он никак не мог принять сторону одного из воюющих. Это свое отношение он постарался выразить в письме к англичанину Моду, обратившемуся к нему за разъяснением.

«Я, разумеется, – пишет Л. Н-ч, – не мог сказать, и не сказал того, что мне приписывают. Произошло это оттого, что пришедшему ко мне под видом автора, принесшего свою книгу, корреспонденту газеты, я сказал на его вопрос о моем отношении к войне, что я ужаснулся на себя, поймав себя во время болезни на том, что желал найти в газете известия о победе буров, и был рад случаю выразить в письме Волконскому мое истинное отношение к этому делу, которое состоит в том, что я не могу сочувствовать никаким военным подвигам, хотя бы это было – Давид против десятка Голиафов, а сочувствую только тем людям, которые уничтожают причины, престиж золота, богатства, престиж военной славы и главную причину всего зла – престиж патриотизма и ложной религии, оправдывающих братоубийства.

Я думаю, что не стоит того – печатать в газетах опровержение ложно приписываемого мне мнения. На всякое чихание не наздравствуешься. Я, напр., получаю в последнее время письма из Америки, в которых одни упрекают, а другие одобряют меня за то, что я отрекся от всех своих убеждений. Стоит ли опровергать, когда завтра могут быть выдуманы 20 новых известий, которые будут содействовать наполнению столбцов газеты и карманов издателей? Впрочем, делайте, как найдете нужным».

Письмо (к Волконскому), на которое ссылается Л. Н-ч, не менее интересно. В нем Л. Н-ч в первый раз ясно высказывает свой взгляд на причины войны вообще. Приведем из него наиболее существенную выдержку:

«Если два человека, напившись пьяны в трактире, поделутся за картами, я никак не решусь осуждать одного из них, как бы убедительны ни были доводы другого. Причина безобразных поступков того или другого лежит никак не в несправедливости одного из них, а в том, что вместо того, чтобы спокойно трудиться или отдыхать, они нашли нужным пить вино и играть в карты в трактире. Точно так же, когда мне говорят, что в какой бы то ни было разгоревшейся войне исключительно виновата одна сторона, я никак не могу согласиться с этим. Можно признать, что одна из сторон поступает более дурно, но разбор о том, которая поступает хуже, никак не объяснит даже самой ближайшей причины того, почему происходит такое странное, жестокое и бесчеловечное явление, как война.

Причины эти для всякого человека, который не закрывает глаза, совершенно очевидны как теперь, в трансваальской войне, так и во всех войнах, которые были в последнее время. Причин этих всего три: 1-я – неравное распределение имуществ, т. е. ограбление одними людьми других, 2-я – существование военных сословий, людей, воспитанных и предназначенных для убийства, и 3-я – ложное, большей частью сознательно обманное религиозное учение, в котором

насильственнно воспитываются молодые поколения.

И потому я думаю, что не только бесполезно, но и вредно видеть причину войны в Чемберленах, в Вильгельмах и т. п., скрывая этим от себя действительные причины, которые гораздо ближе, и в которых мы сами участвуем. На Чемберленов и Вильгельмов мы можем только сердиться и бранить их; но наше сердце и брань только испортят нам кровь, но не изменят хода вещей: Чемберлены и Вильгельмы суть слепые орудия сил, лежащих далеко позади их. Они поступают так, как должны поступать и как не могут поступать иначе. Вся история есть ряд точно таких же поступков всех политических людей, как трансваальская война; и потому сердиться на них и осуждать совершенно бесполезно и даже невозможно, когда видишь истинные причины их деятельности и когда чувствуешь, что ты сам виновник той или другой деятельности, смотря по тому, как ты относишься к трем основным причинам, о которых я упомянул.

До тех пор, пока мы будем пользоваться исключительно богатствами, в то время, как массы народа задавлены трудом, всегда будут войны за рынки, за золотые прииски и т. п., которые нам нужны для того, чтобы поддерживать наше исключительное богатство. Тем более неизбежны будут войны до тех пор, пока мы будем участвовать в военном сословии, допускать его существование, не бороться всеми силами против него. Мы сами или служим в военном сословии, или признаем его не только необходимым, но похвальным, и потом,

когда, возникает война, осуждаем в ней какого-нибудь Чемберлена и т. п. Главное же, будет война до тех пор, пока мы будем не только проповедовать, но без негодования и возмущения допускать то извращение христианства, которое называется церковным христианством и при котором возможно христолюбивое воинство, благословение пушек и признание войны делом христиански справедливым. Мы учим этой религии наших детей, сами исповедуем ее и потом говорим одни – что Чемберлен, а другие, что Крюгер виноват в том, что люди убивают друг друга».

Одновременно с этой войной, лишний раз показавшей, какие ужасные жертвы приносятся в угоду богу государственной власти, шла другая, мирная война против войны, о которой Л. Н-ч писал еще в 1898 г. в своей статье «Две войны». Одна только что окончившаяся тогда война, была испано-американская, а другая – духоборческая, война против войны, выразившаяся в сопротивлении духоборцев русской государственной власти. Духоборы, не подчинившиеся требованиям русских властей, оставили Россию и поселились в Канаде. К началу 1900 г. переселение это было уже почти закончено, оставались еще в России духоборы этой партии, сосланные в Якутскую область.

По мере того, как духоборы, переселившиеся в Канаду, стали там устраиваться, стали возникать различные трудности, трения, иногда и крупные несогласия. Об этом стали до-

ходить слухи и до Л. Н-ча. В рассказах о жизни духоборов в Канаде было много преувеличенного или окрашенного в тот или другой цвет, сообразно с субъективным элементом наблюдателя. Но тем не менее нельзя было не признать, что духоборческий идеал «христианского всемирного братства» достигался с большим трудом и далеко еще не был выполнен до конца. Все это побудило Л. Н-ча написать им дружеское послание, в котором он дает им возможность осознать этот идеал и определить свое настоящее отношение к нему. В этом письме Л. Н-ч ясно и кратко излагает основы христианского коммунизма, отрицающего права частной собственности. Это и составляет особую ценность этого письма, и мы приведем из него наиболее существенные выписки:

«Ведь это только нам кажется, что можно быть христианином и иметь собственность и удерживать ее от других людей, но это невозможно. Стоит людям признать это, и от христианства очень скоро не останется ничего, кроме слов, и, к сожалению, неискренних и лицемерных слов. Христос сказал, что нельзя служить Богу и мамоне: одно из двух – или собирать для себя собственность, или жить для Бога. Сначала кажется, что между отрицанием насилия, отказом от военном службе и признанием собственности нет никакой связи, «Мы, христиане, не поклоняемся внешним богам, не присягаем, не судим, не убиваем», – говорят многие из нас, – «то же, что мы своим трудом приобретаем собственность не для обогащения, а для обеспечения своих близких, то этим не

только не нарушаем учения Христа, но еще исполняем его, если от избытка своего помогаем нищим». Но это неправда. Ведь «собственность» значит то, что то, что я считаю своим, я не только не дам всякому, кто захочет взять это мое, но я буду защищать его от него. Защищать же от другого то, что считаешь своим, нельзя иначе, как насилием, т. е. в случае нужды борьбою, дракою, даже убийством. Если бы не было этих насилий и убийств, то никто бы не мог удержать собственность. Ест же мы удерживаем собственность, не делая насилия, то только потому, что собственность наша ограждена угрозой насилия и самым насилем и убийством, которые совершаются над людьми вокруг нас. У нас если мы и не защищаем ее, не отнимают нашу собственность только потому, что думают, что мы, так же, как и другие, будем защищать ее, и потому признание собственности есть признание насилия и убийства; и вам незачем было отказываться от военной и полицейской службы, если вы признаете собственность, которая поддерживается только военной и полицейской службой. Те, которые исправляют военную и полицейскую службу и пользуются собственностью, поступают лучше, чем те, которые не несут военной и полицейской службы, а хотят пользоваться собственностью. Такие люди, сами не служа, хотят для своих выгод пользоваться чужой службой. Христианское учение нельзя брать кусочками: или все, или ничего. Оно все неразрывно связано в одно целое. Если человек признает себя сыном Божиим, то из этого признания

вытекает любовь к ближнему, а из любви к ближнему одинаково следует отрицание насилия и присяги, и службы, и собственности».

Выразив эти религиозные основы коммунизма, он переходит к мотивам утилитарным:

«Соблазн собственности есть самый тонкий соблазн, вред которого очень хитро скрыт от людей, и потому так много христиан претывались об этот камень.

И потому, дорогие братья и сестры, устраивая вашу жизнь на чужой стороне после того, как вы были изгнаны из своего отечества за верность христианскому учению, я вижу ясно, что вам со всех сторон выгоднее продолжать жить христианскою жизнью, чем изменить этому – начать жить жизнью мирскою. Выгоднее жить и работать сообща со всеми теми, которые захотят жить такую же жизнью, чем жить каждому отдельно, собирая только для себя и для своей семьи, не делясь с другими. Выгоднее жить и работать так, во-первых, потому что, не припасая на будущее, вы не будете тратить бесконечно сил на невозможное для смертного человека обеспечение себя и семьи, во-вторых, не будете тратить сил на борьбу с другими, чтобы удержать от ближних каждый свое имущество, в-третьих, потому что без сравнения больше сработаете и приобретете, работая общиной, чем сколько сработали бы, работая каждый отдельно, в-четвертых, потому что, живя общиной, вы меньше будете тратить на себя, чем живя каждый отдельно, и в-пятых, потому что,

живя христианской жизнью, вы в окружающих вас людях вместо зависти и недружелюбия вызовете к себе любовь, уважение и, может быть, и подражание своей жизни, в-шестых, потому что не погубите того дела, которое вы начали и которым посрамили врагов и порадовали друзей Христа. Главное же выгоднее вам жить христианскою жизнью потому, что, живя такой жизнью, вы будете знать, что исполняете волю Того, Кто вас послал в мир».

Л. Н-ч не скрывает ни от себя, ни от них всей трудности этого дела, но сознание важности этого все-таки заставляет его ободрять их на упорную борьбу:

«Знаю я, что трудно не иметь ничего своего, трудно быть готовым отдать то, что имеешь и нужно для семьи, всякому просящему, трудно покоряться избранным руководителям, когда кажется, что они неправильно распоряжаются, трудно воздержаться от привычек роскоши, мяса, табака, вина. Знаю, что все это кажется трудно. Но, любезные братья и сестры, ведь мы нынче живы, а завтра пойдем к Тому, Кто послал нас в этот мир для того, чтобы делать Его дело. Стоит ли из-за того, чтобы называть вещи своими и по своему распоряжаться ими, из-за нескольких пудов муки, долларов, шубы, пары волов, из-за того, чтобы не дать неработающим воспользоваться тем, что я сработал, из-за обидного слова, из-за гордости, вкусного куска идти против Того, Кто послал нас в мир и не делать того, чего Он от нас хочет и что мы можем исполнить только в этой нашей жизни? А хочет Он

от нас немногого: только того, чтобы мы делали другим то, чего для себя хотим. И хочет Он этого не для себя, а для нас же, потому что, если бы мы только согласились это делать, то всем бы было так хорошо жить на земле, как только можно. Но и теперь, хотя бы весь мир жил противно Его воле, всякому отдельному человеку, понявшему то, зачем он послан в мир, нет расчета делать ничего иного, как только то, на что он послан».

Говоря в III томе об автобиографической части «Воскресения», мы уже упоминали, что тип старика-раскольника, встреченного Нехлюдовым на пароме в Сибири, основан на личном знакомстве с подобным «искателем истины» Андреем Васильевичем Власовым. Переписка Л. Н-ча с ним продолжалась. Лев Николаевич посылал ему книжки, и, видимо, старик все больше и больше проникался взглядами Л. Н-ча.

Так в феврале 1900 года Л. Н-ч отвечает Власову на одно из его писем следующим интересным письмом:

«Любезный брат Андрей Васильевич, очень рад был получить ваше письмо. Напрасно ваш сын думает, что нельзя понять того, что вы пишете. Я все понимаю и со всем согласен и очень желал бы, чтобы ученые люди так же ясно и понятно писали.

Особенно мне дорого в вашем рассуждении то, что вы понимаете, что и Евангелие надо читать с выбором, а не все

подряд считать произведением святого духа.

В самом Евангелии сказано о том, что буква мертва, а дух живет. Дорого мне в вашем рассуждении то, что вы ставите во главу всего то, что и должно стоять во главе всего, а именно разум человеческий, который старше всех книг и библии, от которого и произошли все библии, без которого ничего понять нельзя и который дан каждому из нас не через Моисея, или Христа, или апостолов, или через церковь, а прямо дан от Бога каждому из нас и одинаковый всем. И потому ошибка может быть во всем, но только не в разуме. И разойтись люди могут только тогда, когда они будут верить разным преданиям человеческим, а не единому, у всех одинаковому и всем непосредственно от Бога данному разуму.

Все идолопоклонники и лжеучителя всегда проповедуют то, что надо не верить разуму, потому что он будто бы у каждого особенный и приведет к разногласию, а надо верить всему тому, чему они учат (один – одному, другой – другому, христианин, магометанин, буддист и все их секты). Но это ложь и есть та самая хула на св. духа, которая хуже всяких других хулений. Ложные рассуждения, те самые, которые развели в мире ложные учителя, приведут к разногласию и раздору, а разум, если он не извращен, не может привести к разногласию, потому что как у всех людей тело одинаковое – у всех руки, ноги, уши, глаза, – так и разум у всех один, и только один разум всех соединяет. Как только речь пойдет о том, как креститься, двумя или тремя перстами, или о

том, переходит ли хлеб и вино в кровь и тело или это только должно твориться «в воспоминание», или о том, происходит ли Святой Дух от Отца и Сына или от одного Отца, или о том, был ли Христос Бог или человек, или о том, есть ли Бог личное существо или безличное, так люди разделяются и ссорятся и даже ненавидят друг друга за то, что одни не верят так же, как другие. Но если мы будем держаться только того, что согласно с разумом каждого человека, а именно то, что пришли мы в этот мир не по своей воле и не по своей воле уйдем из него, а по чьей-то высшей воле, и что поэтому и жить нам надо в этом мире по той воле, которая привела нас в мир и выведет из него. Воля же эта, как нам говорит разум, в том, чтобы мы любили друг друга и поступали с другими так, как хотим, чтобы другие поступали с нами. Разум всех говорит, что если бы все жили так, то жизнь всех была бы самая хорошая. И потому, если бы все держались только этого, то не было бы разногласия в верах, а все были бы согласны. И потому всякий человек для своего блага и для блага людей должен стараться разрушить все разные ложные веры с тем, чтобы все соединились в одной истинной вере, в данный всем людям для руководства в жизни свет разума.

Прежде всего надо верить в разум, а потом уже отбирать из писаний – и еврейских, и христианских, и магометанских, и буддийских, и китайских, и светских современных – все, что согласно с разумом, и откидывать все, что несогласно с ним.

Я очень радуюсь тому, что вы так же понимаете. Помогите вам Бог продолжать так исповедовать и так жить.

Посылаю вам то, что считаю возможным послать, и желаю вам душевной твердости, спокойствия и радости в истине. Пишите мне.

Любящий вас брат *Лев Толстой*».

В марте Л. Н-ч записывает в дневнике:

«Больше двух месяцев не писал. Маша уехала. Потом уехали Андрюша с Ольгой. Здоровье за это время значительно улучшилось. Писал все: 1) письмо к духовборам, которое кончил и послал; 2) о патриотизме, которое много раз переписывал и которое ужасно слабо, так что вчера решил или бросить, или все сначала; и кажется, есть что сказать сначала. Надо показать, что теперешнее положение, особенно Гаагская конференция, показали, что ждать от высших властей нечего, и что распутывание этого губительного положения, если возможно, то только усилием частных отдельных лиц».

В тот же день Л. Н-ч записывает замечательную мысль, дающую ключ к пониманию социальной эволюции и революции и являющуюся предсказанием современного строя.

В это время Л. Н-ч начал писать свою статью «Рабство древнее и современное». Поводом к написанию этой статьи были сведения, дошедшие до Л. Н-ча, о существовании 16-часового рабочего дня в каком-то промышленном предприятии. Известие это произвело на него сильное впечатление,

и он записывает такую мысль:

«О 16-часовом дне, кажется, выйдет. Главное, будет показано, что теперешнее, предстоящее освобождение будет такое же, какое было от крепостного права, т. е., что тогда только отпустят одну цепь, когда другая будет твердо держать. Невольничество отменяется, когда утверждается крепостное право. Крепостное право отменяется, когда земля отнята и подати установлены. Теперь освобождают от податей, когда орудия труда отняты. Отдадут, имеют намерение отдать рабочим орудия труда только под условием обязательности для всех работы».

Дальше бросаются в глаза следующие заметки дневника:

«Иду мимо извозчика-лихача, он выбился из серых мужиков – завел упряжку, обрился, имеет попону, кафтан с соболями, знает хороших господ... Как ему внушить, что это все не важно, а важно исполнение нравственного закона? Дома, в школе, в церкви, в чтениях (как в том, на котором я был в рабочем доме) что он слышит?

В рабочем доме священник, толкуя народу первую заповедь Нагорной проповеди, разъяснял, что гневаться можно и должно, как гневается начальство, и убивать можно по приказанию начальства. Это было ужасно. Все можно простить, но не извращение тех высших истин, до которых с таким трудом дошло человечество».

В то же время во Л. Н-че непрерывно шла внутренняя работа; вот образец его тогдашней молитвы:

«Избави меня, Господи (Бог во мне), от первого искушения, заботы о внешнем, пище, жилище, вещах, о славе людской, дай мне помнить, что жизнь человека только в увеличении разума, любви. И от второго искушения избавь меня, от мысли о том, что все от Бога, что я ничто, от равнодушия к делу своей жизни, от прекращения усилия, и дай мне помнить, что я слуга, посланник Бога, исполнитель его воли. И от третьего искушения, служения чему бы то ни было больше, чем Богу, – избавь меня, и дай мне помнить, что всякое дело тогда только хорошо, когда оно есть дополнение или последствие служения Богу».

В апреле этого года совершилось первое нападение синода на Л. Н-ча за его мировоззрение. Синодом разослан указ о том, что если Л. Н-ч умрет, то молиться о нем нельзя. До нас дошло содержание этого секретного указа из Владимирской духовной консистории. Вот его точный текст:

«По указу Его имп. величества Владимирская духовная консистория слушали: отношение первенствующего члена Святейшего синода Иоанникия, митрополита Киевского, на имя его высокопреосвященства, в коем указано, что гр. Лев Толстой в своих сочинениях, в коих он выражает свои религиозные воззрения, ясно показал себя врагом православной христианской церкви. Единого Бога в трех лицах он не признает, 2-е лицо Св. Троицы – Сына Божия – называет простым человеком, кощунственно относится к тайне воплоще-

ния Бога слова, искажает священный текст Евангелия, святую церковь порицает, называя ее человеческим установлением, церковную иерархию отрицает и глумится над святыми таинствами и обрядами св. православной церкви. Таковых людей православная церковь торжественно, в присутствии верных чад, объявляет чуждыми церковного общения. Посему совершение панихид и заупокойной литургии по гр. Льве Толстом в случае его смерти без покаяния и примирения с церковью, несомненно, смутит верных чад св. церкви и вызовет соблазн, который должен быть предупрежден.

В виду сего Св. синод постановил:

Воспретить совершение поминовения, панихид, заупокойных литургии по графе Льве Толстом в случае его смерти без покаяния».

Настроение Л. Н-ча в это время прекрасно выражено в записи его дневника:

«6 апреля 1900 г. Москва. Сейчас вечер, Сережа играет, и я чувствую себя почему-то до слез растроганным и хочется поэзии. Но не могу в такие минуты писать. Живу не очень дурно, все работаю ту же работу, загородившую мне художественную, и скучаю по художественной. Очень просится».

Но вот душа его просит молитвы, и он записывает так:

«Господи, пробудись во мне и освети меня и мою жизнь! Такою должна быть молитва ежечасная».

В этот же день он дает в своем дневнике интересное опре-

деление слова «анархия».

«Анархия не значит отсутствие учреждений, а только отсутствие таких учреждений, которым людей заставляют подчиняться насильно, а такие учреждения, которым люди подчиняются свободно, по разуму. Казалось, иначе не могло и не должно бы быть устроено общество существ, одаренных разумом».

В начале мая Л. Н-ч ездил погостить к своей дочери Марии Львовне, бывшей замужем за Оболенским и жившей в своем имении, по соседству с братом Л. Н-ча, Сергеем. Там его посетили его два английские единомышленника: Синджон и Кенворти. Л. Н-ч провел там недели две и снова вернулся в Ясную Поляну. На другой день, 19-го мая, он записывает в дневнике:

«Вчера приехали из Пирогова, где провел прекрасно 15 дней, кончил «Рабство» и написал два акта. Мне и здесь хорошо. Здоровье было испортилось. Теперь лучше. Прочел кучу писем. Ничего важного. Написал нынче последнюю главу. Поздно. Завтра выпишу из книжечки».

«Два акта» относятся, очевидно, к комедии «Живой труп»; окончание «Рабства нашего времени» было еще не последнее. Мы увидим, что Л. Н-ч еще много работал над этим произведением.

После этого наступает перерыв больше месяца в писании дневника, и Л. Н-ч, берясь за него снова, так резюмирует проведенное время:

«23 июня 1900 г. Ясная Поляна. Больше месяца не писал, провел эти 25 дней недурно. Были тяжелые настроения, но религиозное чувство побеждало. Все время не переставая усердно писал «Рабство нашего времени». Много внес нового и уясняющего.

Ужасно хочется писать художественное – и не драматическое, а эпическое продолжение «Воскресения»: крестьянская жизнь Нехлюдова.

До умиления трогает природа (луга, леса, хлеба, пашни, покос). Думаю, не последнее ли доживаю лето? Ну что ж, и то хорошо. Благодарю за все – бесконечно благодетельствован я. Как можно всегда благодарить и как радостно.

Были за это время: американец Курти, Буланже, С. Джон. Я полюбил его. Здоровье хорошо. Много есть, что записать. Главное же то, что все существа и я совершаем круг, или полкруга, или какие другие линии в данных пределах и во время прохождения набираем общение с другими существами, любим их, расширяя свое «я» в идею, готовим его к расширению в следующей форме».

13 июля Л. Н-ч делает такую запись, очевидно, отвечая на запросы современного экономического мирозерцания:

«Нет тверже убеждений тех, которые основаны на выгоде. Убеждения, основанные на разуме, всегда подлежат обсуждению, проверке, а те – безапелляционны и решительны, как бы ни были противны разуму.

Есть люди, которые не могут руководиться разумными

убеждениями, а руководятся только выгодами. А ты придумываешь доводы, чтобы убедить их».

Нет ли в этих словах разгадки эпохи экономического материализма?

В начале августа я получил от Л. Н-ча интересное письмо, в котором он определяет свое внутреннее душевное состояние.

Рассказав сначала о внешних событиях и семенной жизни, он пишет далее так: «Внутренняя моя жизнь в том, что все время, месяцев 7, писал «Рабство нашего времени». Думаю, что уяснил кое-что. На днях написал небольшую заметку об убийстве Гумберта. То и другое послал Ч. Теперь добавляю кое-что туда же и хочу продолжать начатые художественные работы. Знаю, что нужнее то, что я называю «воззванием», но хочется отдохнуть от осуждения. Это внутреннее, но поверхностно внутреннее, настоящее же внутреннее в том, что все ближе и ближе вижу смерть, а потому и настоящую жизнь, все чаще испытываю духовную любовь, отличающуюся от телесной, не половой, а симпатии телесной, тем, что этой, т. е., телесной, хочется отдаваться, а та духовная, напротив, большею частью вызывается обратным чувством: почувствуешь недоброе чувство – и вспомнишь, что смерть, что жизнь только в любви, и полюбишь духовной любовью, иногда более сильной, чем телесная. И духовная любовь большею частью обращена к врагам. Вообще могу ска-

зять, что мне хорошо, было хорошо и в болезни, и надеюсь и стараюсь, чтобы было хорошо умирая. Из сверхкомплектных радостей жизни самые большие доставляют молодые люди, как из богатых, так и из рабочих, которые приходят и пишут. Радует тоже то, что анархизм без насилия, анархизм неучастия в насилии все более и более распространяется».

Августовский дневник снова полон глубоких мыслей. Мы приведем наиболее характерные:

«7 августа. Наши чувства к людям окрашивают их всех в один цвет; любим – они все нам кажутся белыми, не любим – черными. А во всех есть и черное, и белое. Ищи в любимых черное, а главное – в нелюбимых белое.

15 августа. В наших обществах поставить правило – не убий, все равно, как в банке поставить правило не брать процентов. Стоило бы разъяснить эту мысль, хотя она и старая.

21 августа. Признак развратности нашего мира – это то, что люди не стыдятся богатства, а гордятся им. Странное мое положение в семье. Они, может быть, и любят меня, но я им не нужен, скорее encombrant; если нужен, то нужен, как всем людям. А им в семье меньше других видно, чем я нужен всем. От этого: «Несть пророка без чести» и т. д.

30 августа. Как-то спросил себя: верю ли я? Точно ли верю в то, что смысл жизни в исполнении воли Бога, воля же в увеличении любви (согласия) в себе и мире, и что этим увеличением, соединением в одно любимого я готовлю себе будущую жизнь?

И невольно ответил, что не верю так, в этой определенной форме. Во что же я верю? – спросил я. И искренно ответил, что верю в то, что надо быть добрым: смиряться, прощать, любить. В это верю всем существом.

Все в жизни очень просто, связно, одного порядка и объясняется одно другим, но только не смерть. Смерть совсем вне этого всего, нарушает все это, и обыкновенно ее игнорируют – это большая ошибка; напротив, надо так свести жизнь со смертью, чтобы жизнь имела часть торжественности и непонятности смерти, и смерть часть ясности, простоты и понятности жизни».

Западные ученые начинают серьезно интересоваться Л. Н-чем, и в конце XIX и в начале XX века появляется целый ряд монографий о Толстом на всевозможных языках. В 1900 г. вышла весьма интересная книга на немецком языке доктора юридических наук Эльцбахера под названием «Анархизм». В этой книге, со свойственной немецким ученым серьезностью, разобраны и изложены учения семи наиболее известных анархистов, в том числе и Льва Толстого. Автор этой книги прислал свой труд Льву Николаевичу, и тот ответил ему благодарственным письмом. Вот его существенные части:

«Ваша книга делает для анархизма то же, что 30 лет тому назад было сделано для социализма: она вводит его в программу политических наук.

Ваша книга чрезвычайно понравилась мне. Она совер-

шенно объективна, понятна и, насколько я могу судить, в ней прекрасно обработаны источники. Мне кажется только, что я не анархист в смысле политического реформатора. В указателе вашей книги при слове «принуждение» сделаны ссылки на страницы сочинений всех прочих разбираемых вами авторов, но не встречается ни одной ссылки на мои писания. Не есть ли это доказательство того, что учение, которое вы приписываете мне, но которое на самом деле есть лишь учение Христа, есть учение вовсе не политическое, а религиозное?»

И в иной форме Л. Н-ч интересуется европейских ученых: его избирают почетным членом французского этнографического общества. В Бреславле (Прусской Силезии) образовался международный союз имени Л. Н. Толстого. Цель общества – распространение между своими членами и в народе начал нравственного усовершенствования в духе идей первых веков христианства (Urchristenthums). В общество могут вступать лица обоего пола, достигшие 18 лет. Всякие политические и религиозные стремления исключаются из программы. Проект устава содержит только семь параграфов весьма общего содержания. Авторы устава объясняют общий характер постановлений желанием придать ему международный оттенок, чтобы иметь возможность просить утверждения устава в любом государстве. С большой теплотой объясняют учредители необходимость распространения идей Толстого. «Своеобразная личность престарелого русского пи-

сателя и философа приковывает неотразимой силой взоры всякого мыслящего человека. Столь же сильный духом, как и благородством своего мирозозерцания, он властвует почти над всем умственным и литературным развитием современной России. Альтруист, для себя лично ничего не требующий, олицетворение мягкости и способный на самопожертвование, Л. Н. своей пророческой фигурой в одно и то же время предостерегает нас и поучает. Не одному из нас в часы колебания совести рисовалось его доброе, обросшее сединой лицо, призывая нас на истинный путь» и т. д.

В таких чертах обрисована личность Л. Н-ча. Что касается практических целей, то общество стремится к распространению философских и этических идей Л. Н-ча Толстого и с этом целью, помимо других способов воздействия, имело в виду издавать орган, где могли бы помещаться статьи «выдающихся авторитетов толстовской литературы» и комментироваться его сочинения. Справки и другие подробности о новом обществе интересующиеся могут получить от секретаря (Breslau, Fridrichstrasse, 75).

К сожалению, нам не удалось завести связь с этим симпатичным начинанием. После всемирного погрома последней войны удержалась ли эта группа хороших людей и продолжает ли она стремиться осуществить великий идеал? Время покажет это, и если этой группе не удалось сделать этого, то возникнут другие и пойдут по тому же пути.

В сентябре этого года Л. Н-ч снова прихварывает и впадает в мрачное настроение. Но духовная жизнь его не останавливается. Вот несколько мыслей из его дневника:

«Нынче 22 сентября 1900 г. Ясная Поляна. Все это время плохо работал. И работал-то дело пустое. Галя Ч. пишет, что не дам ли я напечатать два начала воззвания. Я начал пересматривать и все над этим работал. В одном вписал недурное о том, что у христианских народов нет никакой религии. Все время в очень дурном, недобром расположении духа. Вспоминание о том, что во мне Бог, уже не помогает. Был у Маши и у брата Сережи. Очень хорошо было у Андрюши. Жду чего-то. А ждать нечего, кроме труда, хорошего божеского труда и смерти. Здоровье слабо. Последнее время тоска, знобит и жар. В эту минуту, 11 часов вечера, мне хорошо. Таня уехала. Нынче от нее милое письмо.

Я сначала думал, что то, что способность учиться есть признак глупости, есть парадокс, но в особенности не верил этому потому, что я дурно учился, но теперь я убедился, что это правда и не может быть иначе. Для того, чтобы воспринимать чужие мысли – надо не иметь своих. Сомнамбулы учатся лучше всех».

Порой на Л. Н-ча нападали минуты раскаяния, и он с ужасом вспоминает свое прошлое:

«За эти дни важно было то, что я не помню уж по какому случаю – кажется после внутреннего обвинения моих сыновей – я стал вспоминать все свои гадости. Я живо вспомнил

все или, по крайнем мере, многое – и ужаснулся. Насколько жизнь других и сыновей лучше моей. Мне не гордиться надо прошедшим, да и настоящим, а смириться, стыдиться, спрятаться, просить прощения у людей (написал «у Бога», а потом вымарал). Перед Богом я меньше виноват, чем перед людьми: Он сделал меня, допустил меня быть таким. Утешение только в том, что я не был зол никогда; на совести два-три поступка, которые тогда мучили, а жесток я не был. Но все-таки гадина я отвратительная. И как хорошо это знать и помнить. Сейчас становишься добрее к людям, а это главное, одно нужно».

И снова говорит своим любимым парадоксальным языком:

«Если человек все говорит про поэтическое, знайте, что он лишен поэтического чувства. То же о религии, о науке (я любил говорить о науке); о доброте – тот зол».

Своей дочери Марье Львовне он пишет в шутовском тоне: «...Последние дни густо шел литератор. Началось с Веселитской, потом молодой марксист Тотомьянц, из «Сев. курьера», потом Поссе, редактор «Жизни», потом Горький, потом Немирович-Данченко. Это все оттого, что прошел слух, что я написал драму, а я только набросал».

В это посещение Горького Софье Андреевне удалось снять его рядом со Л. Н-чем. Горькому это было чрезвычайно приятно.

17 октября Л. Н-ч едет к своей дочери Т. Л-не в Кочеты

и живет там до начала ноября, когда переезжает в Москву. Живя в Кочетах, Л. Н-ч писал послание китайцам.

Желание свое написать послание китайцам Л. Н-ч объясняет в письме к Черткову:

Нынче, читая о наказаниях китайцев во имя христианства, ужасно захотелось написать послание китайцам, в котором сказать им, что те христиане, которых они знают и которые их мучают – самозванцы и клеветают на христиан, а что Христос любил бы и помогал бы им».

И в следующем письме он добавляет:

«Вы упоминаете о китайском обращении. Спасибо вам... Я, кажется, писал вам, что главное в этом – это, серьезно, не только возмущающая, но больно оскорбляющая меня клевета на христианство, которым я живу. Неприятно, что под моим именем печатают какую-нибудь неясную, слабую, пошлую статью; но каково же, когда под именем «христианства» проповедуют самые ужасные требования».

Из записанных им мыслей за это время мы приведем наиболее характерные:

«Жизнь есть переход из одной формы в другую – и потому самоотречения, т. е. выхода из своей формы мало, нужно образовывать новую форму. Жизнь этого мира есть материал для этой новой формы.

Думал о том, что если служить людям писанием, то одно, на что я имею право, что должен делать – это обличать богатых в их неправде и открывать бедным обман, в котором

их держат».

В ноябре, живя в Москве, Л. Н-ч продолжает думать о послании китайцам и берется снова за их религиозное учение, читает и переводит Конфуция и в дневнике так резюмирует это учение:

Сущность китайского учения такая: истинное (великое) учение научает людей высшему добру, обновлению людей и пребыванию в этом состоянии. Чтобы обладать высшим благом, нужно: 1) чтобы было благоустройство во всем народе; для того, чтобы было благоустройство во всем народе, нужно: 2) чтобы было благоустройство в семье; для того, чтобы было благоустройство в семье, нужно: 3) чтобы было благоустройство в самом себе; для того, чтобы было благоустройство в самом себе, нужно: 4) чтобы сердце было исправлено (чисто?). Ибо, где будет сокровище ваше, там будет и сердце ваше. Для того, чтобы сердце было исправлено (чисто?), нужна: 5) сознательность (правдивость) мысли. Для того, чтобы была сознательность мысли, нужна: 6) высшая степень знания. Для того, чтобы было знание, нужно: 7) изучение самого себя (как объясняет один комментатор).

Все вещи имеют корень и его последствия; все дела имеют конец и начало. Знать, что самое важное, что должно быть первым и что последним, есть то, чему учит истинное учение. Усовершенствование человека есть начало всего. Если корень в пренебрежении, то не может быть хорошо то, что

должно вырасти из него».

Далее он излагает это учение подробно, записывая это изложение в своем дневнике. Тут же попадают и мысли другого рода:

«Открой людям истину, как Евангелие, которая должна спасти их и избавить от зла – и, кроме неприятности, ничего не будет открывателю. Напиши пьесу, еще лучше похабный роман – и тебя засыпят цветами, похвалой, деньгами. Правда, кто-то сказал, что более интеллигентная толпа – дети. Они очень любят говорить про народ, что они дети, а дети именно они – богатые правящие классы».

Китайское учение продолжает его интересоваться, и через несколько дней он снова записывает:

«Занимаюсь Конфуцием, и все другое кажется совершенно ничтожным. Кажется порядочно. Главное то, что это учение о том, что должно быть особенно внимательным к себе, когда один, сильно и благотворно действует на меня. Только бы удержалось в той же свежести».

И далее он записывает мысль, указывающую на его сильную духовную работу:

«Боже мой, как трудно жить только перед Богом – жить, как живут люди, заваленные в шахте и знающие, что они оттуда не выйдут и что никто никогда не узнает о том, как они жили там. А надо, надо так жить, потому что только такая жизнь есть жизнь. Помоги мне, Господи».

Весь ноябрь Л. Н-ч провел в Москве, окруженный много-

численными посетителями.

В конце ноября он записывает такую важную мысль:

«Мы, богатые классы, разоряем рабочих, держим их в грубом непрестанном труде, пользуясь досугом и роскошью. Мы не даем им, задавленным трудом, возможности произвести духовный цвет и плод жизни: ни поэзии, ни науки, ни религии. Мы все это беремся давать им – и даем ложную поэзию – «Зачем умчался на гибельный Кавказ» и т. п., науку – юриспруденцию, дарвинизм, философию, историю царей; религию – церковную веру. Какой ужасный грех! Если бы только мы не высасывали их до дна, они бы проявили и поэзию, и науку, и учение о жизни».

В конце ноября Л. Н-ча посетил один замечательный человек, голландец Энгельберг, приехавший к нему со своим молодым другом. Мать этого человека была малайка, а отец – голландец, и наружность его – смуглое выразительное лицо, черные волосы – обличала его смешанное происхождение. Он занимал важный административный пост в голландской Индии, на острове Ява. Исповедуя учение, отрицающее насилие, он удивительно своей сильной волей и бесстрашием умел укрощать без применения репрессий буйные выходки туземцев. Голландское правительство знало это и очень ценило его и посылало в опасные экспедиции. Его удовлетворяло то, что своим присутствием он всегда устранял вооруженное вмешательство в дела туземцев, но его мучило то, что его деятельность служит к укреплению власти метропо-

лии и, следовательно, в конце концов, к насилию. Вот за разрешением этих и других сомнений он и поехал ко Л. Н-чу, взяв годовой отпуск, чтобы отдохнуть и обдумать свой образ действий. Свидание со Л. Н-чем было для него источником большой радости. В письме к своему другу Миропу, также единомышленнику, он описывает это свидание в самых восторженных нотах и с большой серьезностью. Конечно, Л. Н-ч предоставил его совести дело решения главного вопроса, продолжать или оставить административную деятельность в колониях; но общение со Л. Н-чем укрепило Энгельберга в его мировоззрении.

В связи с этим визитом, мы находим у Л. Н-ча заметку в дневнике, что он читает Евангелие по-голландски и удивляется новому смыслу, открывающемуся ему при чтении в необычной форме.

В письме ко мне после этого посещения Л. Н. сообщает: «Энгельберга я очень полюбил; он скоро будет у вас».

Видеть, однако, его после его возвращения из России мне не удалось. Он часто бывал у меня до поездки и оставил во мне самое радостное впечатление. Но он подробно рассказал и описал в письме свое свидание со Л. Н-чем своему другу Миропу, который и напечатал его рассказ в голландском журнале «Фреде», откуда мы и заимствуем эти сведения.

Декабрь застает Л. Н-ча все еще в Москве и за новой заботой о духоборах. Записывая об этом в дневнике, он прибавляет несколько строк, ярко рисующих его духовное состоя-

ние:

«8 декабря. За это время получил письмо из Канады о женах, желающих ехать к мужьям в Якутск, и написал письмо государю, но еще не посылал. Все стараюсь быть немного лучше: уничтожить зародыши нелюбви в сердце, но еще очень тихо подвигаюсь. Могу не говорить, не делать – но не могу любовно говорить и делать. Грешен тем, что и прежние дни и в особенности нынче чувствую Sechnsucht к смерти: уйти от всей этой путаницы, от своей слабости – не скажу, своей личной, но условий, в которых особенно трудно вступить в новую школу. А может быть, это-то и нужно. И на это-то я и живу еще, чтобы здесь сейчас бороться со злом в себе (а потому и кругом себя). Даже наверно так. Помогите мне То, что может помочь. Плачу почему-то, пища это. И грустно, и хорошо. Все невозможно, кроме любви. И все-таки, как праздника – именно праздника, отдыха, – жду смерти.

От Маши милое письмо. Как я люблю ее и как радостна атмосфера любви и как тяжела обратная!»

У нас сохранилась первая версия письма Л. Н-ча к государю о женах духоборцев. Эта версия, не посланная, указывает нам, что даже у Л. Н-ча чаша терпения переполнилась. Вот это письмо:

«Ваше императорское величество, государь Николай Александрович. Вы наверно не знаете и одной тысячной тех

ужасных, бесчеловечных, безбожных дел, которые творятся вашим именем. А если что и знаете, то оно представляется вам в таком превратном виде, что не видите всей бесчеловечности и часто глупой, скорее вредной, чем полезной тому делу, которое защищается, жестокости, с которой они творятся.

Из всех этих преступных дел самые гадкие и возмущающие душу всякого честного человека – это дела, творимые отвратительным, бессердечным, бессовестным советчиком вашим по религиозным делам, злодеем, имя которого, как образцового злодея, перейдет в историю – Победоносцевым.

Тысячи и тысячи лучших, высоконравственных, чистых, религиозных, убежденных людей, тех, которые составляют силу народа, уже погибли в нужде и изгнании и теперь гибнут только за то, что они лучшие люди среди народа. А сколько жен, детей этих людей мучалось, голодало и умерло и теперь умирает в нужде и разлуке медленной смертью. Цвет населения не только Кавказа, но России, духоборы, несмотря на все мученья и страдания – их вымерло больше 20 % – бросили навсегда свое отечество, Россию, с презрением и ужасом вспоминая все то, что они перестрадали в ней. 5000 человек молокан карских, столько же эриванских, тоже лучшие из русских людей (прошение которых о выселении я переслал вам), молокане ташкентские, христиане харьковские, киевские, десятки тысяч людей только одного желают – покинуть свое отечество, страну дикого изуверства, гонений и наси-

лия, и, отряхнув прах от ног своих, уйти туда, где людям не мешают исповедовать Бога так, как они понимают Его.

Я стар, мне жить осталось немного, и я давно уже соби-
рался перед смертью сказать вам это: я считаю это своею обя-
занностью перед Богом, к которому я иду. Полученное мною
письмо из Канады, которое при этом прилагаю, заставило ме-
ня, не дожидаясь более, сделать это. Прочтите это письмо,
оно короткое и предназначалось не для вас. Из него вы уви-
дите все и поймете, если у вас точно доброе сердце, как го-
ворят про вас. Несчастные эти люди, и не они одни (сосла-
ны еще неповинные братья Веригины, где и томятся боль-
ше десяти лет в самых ужасных местах Сибири) сосланы в
Якутскую область. Жены и молодые женщины, свободные,
живущие в достатке, после 5 лет разлуки просят, как мило-
сти, возможности разделить с мужьями их страдания. Как
ни трудно верить, что у вас доброе сердце, по тем ужасам,
которые не переставая совершаются вашим именем – я верю
в вас. И когда вы были больны, мне было жаль вас, я боял-
ся, что вы умрете и без вас будет хуже. Я на вас почему-то
надеюсь.

Прочтите сами это письмо и, когда уляжется в вас чувство
оскорбленной, раздутой гордости, которое вызовет в вас это
мое письмо, подумайте, сердцем подумайте (*les grandes et les
bonnes pensees viennent du coeur*) и сделайте то, что вам под-
скажет это ваше доброе сердце. Прогоните от себя этого зло-
го и бездушного старика Победоносцева, который compro-

метирует вас и перед русским народом, и перед Европой, и перед историей, велите пересмотреть и уничтожить нелепые, противоестественные и позорные законы о гонениях за веру, которых нет ни в каких государствах и которые позорят тех, кто их поддерживает, прекратите всякие гонения за веру и верните всех сосланных, заключенных за то, что они исповедуют ту веру, которую даже не исповедуют ваши советчики, а только считают, что надобно исповедовать.

Вы обязаны это сделать, потому что вы знаете, что гонение за веру дурно, и знаете, что десятки тысяч людей вашим именем подвергаются за веру страданиям, и знаете, что можете прекратить этот порядок вещей. Если же вы не сделаете этого, вы не можете не чувствовать себя виноватым, не можете спокойно отдаться никакому простому и доброму человеческому чувству; ни любви к семье, ни к людям, не можете спокойно пользоваться никакой радостью, не можете молиться (Мф. V, 23,24):

«...Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой перед жертвенником и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой».

Если я не ошибся в вас... (не скопированы три линейки)... тяжело, но потом особенно радостно.

Простите меня, если что не так написал. Помогите вам Бог сделать то, что Ему угодно».

Версия эта была исправлена, смягчена и отправлена; к сожалению, после исправления письмо это потеряло значительную часть своей силы и остроты. 15 декабря он добавляет следующее в своем дневнике:

«Событие то, что Давыдов одобрил письмо государю и взялся послать его. Стараюсь устранить в своем сознании себя от этого дела – только, чтобы была забота о деле».

Далее он излагает мысли, так редко встречающиеся в его дневнике, о своих сочинениях и их судьбе. Тем ценнее становятся они:

«Прошел мимо лавчонки книг и вижу – «Крейцера соната». Вспомнил: и «Крейцерову сонату», и «Власть тьмы», и даже «Воскресение» – я писал без всякой думы о проповеди людям, о пользе и, между тем, это, особенно «Крейцера соната», много принесло пользы. Не то ли и с «Трупом»?

Думаю о том, что Шопенгауэра «Parerga и Paralipomenon» гораздо сильнее его систематического изложения. Мне не надо (да и некогда), главное, не надо писать систему. Из того, что я здесь записываю, выяснится мой взгляд на мир, и если он нужен кому, то им и воспользуются».

Кроме указанного уже произведения «Рабство древнее и современное», Л. Н-ч в этом году написал еще статью «Патриотизм и правительство» и «Не убий», по поводу убийства итальянского короля Гумберта. И целый ряд писем, имею-

щих характер статей.

В заключение этой главы приведем еще одну интересную запись из декабрьского дневника:

«Две ужаснейшие чумы нашего времени: церковное христианство, или, скорее, догматическое, супернатуралистическое, которое прививается людям с детства и поддерживается гипнотически до смерти, и материализм физиологический, антропологический и, главное, исторический, т. е. убеждение в том, что все идет само собой по законам механическим, физическим, химическим, биологическим и даже психологическим (в смысле материалистической психологии), и потому все усилия быть добрым, делать добро – праздны, бесцельны. И этот материализм караулит людей при их освобождении от догматического христианства. Только что освободятся от безнравственной лжи церковной, как попадают в еще худшую ложь материализма».

В начале декабря у Л. Н-ча были оригинальные гости: пятнадцать американцев и две американки.

Конец 1900 года Л. Н-ч провел в Москве и записал утром 1-го января 1901 года: «1-го января нового года и столетия». Этот новый, наступивший год принес ему много волнений, а всем людям – события мировой важности.

Глава 2. 1901 год. Отлучение

20-ое столетие началось в жизни России революционным движением. Значение Л. Н-ча в этом движении не оспаривается никем. Его критика существующего строя и его могучий зов к высшей правде проникли в массы и взволновали их. Социалисты со своей коллективной организацией и дисциплиной направили эту энергию по новому государственному руслу, и вот через 20 лет мы уже видим укрепление в России революционного правительства.

Новая эпоха не только русской, но и всемирной истории, несомненно, получила сильный толчок в проповеди Л. Н-ча.

Первые признаки этих волнений проявились среди студенчества, к которому вскоре присоединились и рабочие.

Зиму этого года Л. Н-ч проводит в Москве. Он часто прихварывает, и это мешает ему работать. В январе очень мало записей в дневнике. Отметим одну интересную мысль, которую он записывает 12 января:

«Люди живут своими мыслями, чужими мыслями, своими чувствами, чужими чувствами (т. е. понимать чужие чувства, руководствоваться ими). Самый лучший человек тот, который живет преимущественно своими мыслями и чужими чувствами; самый худший сорт, человек, который живет чужими мыслями и своими чувствами. Из различных сочетаний этих 4-х основ, мотивов деятельности – все различие

людей. Есть люди, не имеющие почти никаких, ни своих, ни чужих мыслей, ни своих чувств и живущие только чужими чувствами – это самоотверженные дурачки, святые. Есть люди, живущие только своими чувствами – это звери. Есть люди, живущие только своими мыслями – это мудрецы, пророки. Есть живущие только чужими мыслями – это ученые тупицы. Из различных перестановок по силе этих свойств – вся сложная музыка характеров».

Интересно сравнить эту схему характеров с записанной им подобной же схемой еще в 1872 году. Тогда Л. Н-ч устанавливал четыре элемента характера: большой ум, глупость, большую энергию и апатию, разделяя своих героев на характеры, комбинирующие эти свойства. Если прибавить к этой схеме еще приводимую сейчас, то мы получим целый ряд интересных психологических типов.

В начале 1901 года литературные друзья подбивали Л. Н-ча на издание особого журнала, в котором он был бы главным сотрудником и редактором. Узнав об этом, Чертков написал ему дружеское обличение, обвиняя в непоследовательности.

Из этой попытки ничего не вышло. Но обличение Черткова дало Л. Н-чу повод ответить ему интересным письмом от 18 января:

«Давно получил ваше длинное письмо с обличением в попытке подцензурного издания.

Я так люблю обличения себя, что, читая ваше

письмо, совершенно соглашался с ним и чувствовал свою неправоту и не только не испытывал неприятного чувства, но, напротив, любовь и благодарность к вам. Потом, обдумывая, менее соглашался с вами: очень меня подкупало то, что это побуждало бы меня писать художественные вещи, которые я без этого не буду писать, и то, что огромный материал эпического характера вещей, получаемый мною, собранный в букет, мог бы быть полезным людям. Но я все-таки рад, что не удалось, тем более, что я как будто кончился, особенно для художественных вещей, и что наверное было бы много неприятного и, как вы пишете, невольно втянулись бы участвующие в нехорошие компромиссы. О жизни без денег я все внимательно прочел и обдумал. Пишу это вам и NN, которого прошу простить меня, что не пишу отдельно и по-английски.

Я думаю, что жить без денег для того, кто чувствует в себе силы для этого и возможность (если он не связан несогласной семьей), не только хорошо, но должно. Это почти то же, что отказ от воинской повинности; кто может, тот пусть делает, потому что это несомненно хорошо, но требовать этого, осуждать за неделание этого нельзя. Я говорю: почти так же, как отказ от воинской повинности, потому что это может делать человек, который, стоит еще ступенью выше по чувству своего нравственного сознания, чем отказывающийся от военной службы. А что и то и другое полезно и составляет центры света, из которого далеко идут лучи, это несомненно. Но мне нужно повторять то, что эта

польза, эти лучи идут только тогда, когда цель в себе, в Боге, а не вне себя.

Я все хвораю и слаб. Понемногу освобождаюсь от тела. В душе мне хорошо. Леву жалко, жалко и Таню, но я твердо верю в то, что зла нет и то, что мы считаем зло – все-таки добро.

Прощайте, милые друзья. Братски целую вас. *Л. Т.*»

И это же время Л. Н-ч не оставляет заботу о духоборах. Переселившиеся в Канаду обращаются к нему за разными советами, считая его своим нравственным руководителем. На первых же порах своей жизни в Канаде духоборам пришлось столкнуться с требованиями канадского правительства, которые они колебались исполнить. Вот что им отвечал Л. Н-ч:

18 января 1901. Москва.

Любезные братья Василий Потапов и Иван Пономарев. Получил ваше письмо от 31 декабря, но до сих пор не отвечал оттого, что был нездоров. Мое мнение о тех трех статьях, по которым у вас несогласие с канадским правительством, мнение мое такое.

Первая статья о том, чтобы вам владеть землей сообща, а не отдельно, очень важная, и, по-моему, вам надо употребить все усилия, чтобы добиться нарезки и укрепления не порознь на каждое лицо, а на всю общину. Я думаю, что если между вами есть согласие, то в крайнем случае можно даже принять землю отдельно, но владеть ею сообща. Если же согласия нет, то и при общинном владении не будет толка. Вы сами

знаете, любезные братья, что вся сила не во внешних делах, а во внутреннем духовном состоянии, и потому больше всего вам в вашей новой жизни со всеми ее соблазнами надо стараться удержать в своей общине тот дух христианской жизни и братства, за который вы и были изгнаны из отечества и который дороже всех благ мира.

Остальные две статьи о записи новорожденных, умерших и брачующихся, мне кажется, совсем не важны, можно согласиться исполнить их, так как они ни чем не противны христианской жизни.

От Петра Васильевича не имею писем уже очень давно, но слышал о нем недавно через знакомого, которому он писал. Он жив и здоров. Получив от Бодянского письмо о женах якутских, которые желают ехать к мужьям, я послал это письмо государю и сам написал ему, прося его отпустить в Канаду сосланных. На письмо до сих пор не получил никакого ответа и вообще не имею надежды на успех. Напишите мне, как вы думаете об отъезде жен сосланных.

Брат ваш *Лев Толстой*».

Через Л. Н-ча канадские духоборы поддерживали свою связь с их сосланным в Сибирь духовным вождем Петром Веригиным. Вот одно из таких интересных писем, указывающих на все то значение, которое выпало на долю Л. Н-ча в духоборческом движении.

20 января 1901. Москва. Петру Васильевичу Веригину.

«Дорогой брат Петр Васильевич. Пересылаю вам по желанию Бодянского письмо его к вам, касающееся вас и братьев, живущих в Канаде. Я совершенно согласен с ним, что если и существует среди духовоборов такое дикое суеверие, по которому они приписывают вашей личности сверхъестественное значение, то даже и в виду пользы, которую можно извлечь из такого суеверия, благотворно влияя на слабых людей, не следует поддерживать его, в чем, я вперед уверен, вы тоже совершенно согласны, и что если такое суеверие существует, то оно существует помимо вашей воли. Не согласен я только с Бодянским в том, что он допускает исключительное значение по оказываемому ими влиянию некоторых лиц. Я думаю, что это не так, и в христианском обществе все равны и все поучаются друг у друга: старый у молодого, образованный у неученого, умный у недалекого умом и даже добродетельный у распутного. Все поучаются друг у друга, смотря по тому, через кого в данное время говорит дух Божий. Особенных людей нет: все грешны и все могут быть святы. Сведения, которые он (Бодянский) сообщает о жизни братьев в Канаде, судя по тому, что я слышу от приехавших оттуда, справедливы, но я думаю, что он слишком строг к ним, и что в них не угасает огонь религиозного служения Богу жизнью. Если же когда и затемняется, то наверное разгорится с новою силой. Прилагаю вам еще письмо ко мне Пономарева и Потапова, из которого вы увидите, чем они озабочены.

Я очень сожалею о том, что не имею давно от вас известий. Я писал, но, видно, путь, по которому я писал, неверен.

Я и друзья наши помним о вас, и я, по крайней мере, не перестаю пытаться уговорить правительство, чтобы отпустило вас и других сосланных. На днях сделал новую попытку, написав об этом письмо государю. И не знаю, что из этого выйдет. Думаю, что ничего. Буду пытаться еще. Прощайте, братски приветствую вас.

Лев Толстой.

Прилагаю письмо к квакерам».

Русское правительство, чувствуя шатанье своих основ, как раненый зверь, бросалось со злобой на своих врагов, часто только воображаемых, отчего, конечно, страдали невинные. Одной из таких жертв был молодой человек Накашидзе, студент, брат Ильи Петровича Накашидзе, известного литературного представителя толстовского движения на Кавказе. Он был тогда с братом в Москве и обратился ко Л. Н-чу за защитой своего брата, подвергавшегося безобразному насилию со стороны московской полиции по какому-то глупому и дикому недоразумению.

Л. Н-ч обратился с письмом к тогдашнему обер-полицеймейстеру, впоследствии диктатору Дм. Фед. Трепову, которого он знал как друга и товарища по военной службе В. Г. Черткова. И несмотря на корректный тон этого письма, в нем чувствуется нотка, указывающая, что чаша терпения

переполнилась и у Льва Николаевича:

«Дмитрий Федорович.

Передаст вам это письмо князь Илья Петрович Накашидзе, мой приятель и человек, пользующийся всеобщим уважением и потому заслуживающий внимания к своим словам. С его братом, прекрасным юношей, чистым, нравственным, ничего никогда не пьющим, случилась ужасная, возмутительнейшая история, виновниками которой полицейские чины.

Судя по тому, что случилось с молодым Накашидзе, каждый из нас, жителей Москвы, должен постоянно чувствовать себя в опасности быть осрамленным, искалеченным и даже убитым (молодой Накашидзе теперь опасно болен) шайкой злодеев, которые под видом соблюдения порядка совершают безнаказанно самые ужасные преступления.

Я вполне уверен, что совершенное полицейскими преступление будет принято вами к сердцу и что вы избавите нас от необходимости давать этому делу самую большую огласку и сами примете меры к тому, чтобы все полицейские знали, что такие поступки некоторых из них не одобряются высшим начальством и не должны повторяться.

Пожалуйста потрудитесь прочесть описание, сделанное пострадавшим. Оно носит такой характер правдивости, что и не зная лично молодого человека, нельзя сомневаться в истинности его показаний.

Желаю вам всего хорошего.
Лев Толстой».

Москва, 24 января 1901».

Л. Н-ч продолжает прихварывать, работает мало, но внутренняя жизнь идет с особенной интенсивностью, и дневник его полон глубокими и разнообразными мыслями. То он оглядывается на государственное устройство, и слышится его строгий, обличительный голос:

«Главное – надо стараться разрушить постоянно поддерживаемый правительством обман, что все, что оно делает, оно делает для порядка, для блага подданных. Все, что оно делает, оно делает или для себя (грабит покоренных), или для того, чтобы «leur donner le change» и уверить их, что оно делает это для них».

То он переходит к метафизике и дает в нескольких словах новую оригинальную картину отношений внутренней и внешней жизни.

«Как океан объемлет шар земной, так наша жизнь объята снами». Мало того снами, объята бессознательной, рефлексивной жизнью. Не только рефлексивной, но рассудочной, признаваемой большинством людей жизнью, но не имеющей в себе истинных свойств жизни. Истинная жизнь, жизнь, сознающая свое божественное начало, только как редкие островки на этом океане бессознательной жизни, совершающейся по

определенным материальным, законам. И только эти моменты, складывая друг с другом, исключая все разделяющее их, составляют истинную жизнь. Остальное – сон.

«Когда материалисты говорят о том, что жизнь есть ничто иное, как физико-химические процессы, совершающиеся по определенным законам, то они совершенно правы. Они рассматривают жизнь объективно и, рассматривая так, ничего другого видеть не могут. Но видят они только ту основу, на которой и в которой зарождается и происходит истинная, не наблюдаемая ими жизнь. Когда они говорят при этом о внутреннем опыте (употребляемом ими для психологии), то это только недоразумение: наблюдать наблюдателя нельзя».

Общественная жизнь тоже интересует его, и он попутно дает ей должную оценку: «Читал речь на сельскохозяйственном съезде. Напыщенно, бессодержательно, глупо, самоуверенно. Мы все хотим помогать народу; а мы – нищие, которых он кормит, одевает. Что могут дать нищие богатым? Это надо понять раз навсегда, и тогда исправится наше отношение к народу. Только посторонитесь вы, пристающие к нему нищие, не мешайте ему, как нищие в Италии, и он все сделает, и не те глупости, которые вы предлагаете ему, а то, о чем вы и понятия не имеете».

Давно уже задуманное им воззвание к китайцам наводит его на такие мысли:

«Еще думал, что обращение к китайцам надо

оставить. А прямо озаглавить: «Безбожное время, или новое падение Рима». И прямо начать с указания на отсутствие религии».

Мало-помалу вопрос о религии заполняет его сознание, и он задумывается над специальным трактатом о религии.

«Хотел начать статью об отсутствии религии так:

Ужасно, когда видишь бесполезные страдания одних людей от нужды, других – от излишка; еще ужаснее видеть, как люди эти неизбежно сами развращаются и самую жизнь, и воспитанием; но ужаснее всего видеть то, что, погибая так физически и нравственно, люди считают, что так должно быть, что выхода из этого положения нет и не может быть. И мы, наше общество христианское, в этом положении».

И он начинает в дневнике уже набрасывать соответствующие мысли. Так, он дает такое определение религии:

«Мое определение религии такое: это такое установление человеческого отношения к бесконечности, которым определяется цель его жизни».

Физические силы Л. Н-ча все слабели, а духовные росли, и вместе с тем росло его влияние в России и за границей. За границей это влияние возбуждало интерес в обществе, изверившемся в прежние идеалы, а в России отношение к этому возраставшему влиянию было серьезнее. Правящие сферы ясно чувствовали, что влияние Л. Н-ча шатает основы их владычества,

и они забили тревогу. Государственное православие как источник дикого, рабского суеверия, конечно, было начеку, и охранители его в своем бессилии решились на крайнюю меру, вскоре обратившуюся против них.

22 февраля состоялось определение синода, опубликованное во всеобщее сведение и начинавшееся таким вступлением:

«Святейший синод, в своем попечении о чадах православной церкви, об охранении их от губительного соблазна и о спасении заблуждающихся, имев суждение о графе Льве Толстом и его противохристианском и противоцерковном лжеучении, признал благовременным, в предупреждение нарушения мира церковного, обнародовать чрез напечатание в «Церковных ведомостях» нижеследующее послание».

В этом послании Л. Н-ч объявляется виновником всяческих ересей, богохульником и проч. и признается отпавшим от православной церкви. Кончается это послание молитвою о спасении души Льва Николаевича.

Собственно говоря, с церковной точки зрения, этот акт был вполне логичен. Но он был бестактен с точки зрения борьбы с влиянием Льва Николаевича. И действительно, последствия были неожиданны.

Послание было опубликовано 24 февраля; это было воскресенье. В этот день разыгрались волнения студентов, неожиданно смешавшиеся с общим протестом против нелепого постановления.

Заимствуем описание того, что произошло в Москве 24 февраля, из письма Софьи Андреевны своей сестре Татьяне Андреевне Кузминской, жившей тогда в Киеве, по месту служения ее мужа:

«...Мы пока еще в Москве и пережили эти дни здесь много интересного. После ваших киевских студентов взбунтовались наши, московские. Но совсем не по-прежнему; разница в том, что раньше студентов били мясники и народ им не сочувствовал. Теперь же весь народ: приказчики, извозчики, рабочие, не говоря об интеллигенции – все на стороне студентов. 24 февраля было воскресенье, и в Москве на площадях и на улицах стояли и бродили тысячные толпы народа. В этот же день во всех газетах было напечатано отлучение от церкви Льва Николаевича. Глупее не могло поступить то правительство, которое так распорядилось. В этот день и в следующие мы получили столько сочувствия и депутациями, и письмами, адресами, телеграммами, корзинами цветов и пр. и пр. Негодуют все без исключения, и все считают выходку синода нелепой. Но лучше всего то, что в этот день, 24 февраля, Левочка случайно вышел гулять, и на Лубянской площади кто-то иронически про него сказал: «вот он дьявол в образе человека!» Многие оглянулись, узнали Льва Николаевича и начали кричать ему: «ура! Лев Николаевич! здравствуйте, Л. Н-ч! Ура! Привет великому человеку!» И все в этом роде.

Левочка хотел уехать на извозчике, а они все стали уезжать, потому что толпа и крики «ура!» усиливались.

Наконец, привел какой-то техник извозчика, посадили Левочку, народ хватался за вожжи и лошадь; конный жандарм вступился, и так Левочка прибыл домой. Третьего дня он что-то прихворнул, был у него жар, 38,5; болели руки, но теперь лучше, хотя он всю зиму хворал, то одно, то другое, и похудел очень».

Негодование Софьи Андреевны вскоре вылилось у ней в виде письма к митрополиту Антонию. Письмо это очень характерно, и мы его приведем здесь целиком в той редакции, которую получили лично от автора за ее подписью.

Это письмо циркулярное, адресованное всем подписавшим отлучение и обер-прокурору Победоносцеву. Тогда как опубликованное письмо обращено только к митрополиту Антонию. Вот текст, доставленный нам С. А-ной:

«Прочитав в газетах жестокое определение синода об отлучении от церкви мужа моего, графа Льва Николаевича Толстого, с подписями пастырей церкви, я не смогла остаться к этому вполне равнодушна. Горестному негодованию моему нет пределов.

И не с точки зрения того, что от этой бумаги погибнет духовно муж мой: это не дело людей, а дело Божие. Жизнь души человеческой с религиозной точки зрения – никому не ведома и, к счастью, не подвластна. Но с точки зрения церкви, к которой я принадлежу и от которой никогда не отступлю, которая создана Христом для благословения именем Божиим всех значительнейших моментов человеческой

жизни: рождения, браков, смертей, радостей и горестей людских, которая должна громко провозглашать закон любви, всепрощения, любовь к врагам, к ненавидящим нас, молиться за всех, — с этой точки зрения для меня непостижимо определение синода.

Оно вызовет не сочувствие, а негодование в людях и большую любовь и сочувствие Льву Николаевичу. Уже мы получаем такие изъяснения, и им не будет конца со всех сторон мира.

Не могу не упомянуть еще о горе, испытанном мною от той бессмыслицы, о которой я слышала раньше, а именно: о секретном распоряжении синода священникам не отпевать в церкви Льва Николаевича в случае его смерти. Кого же хотят наказывать? Умершего, ничего не чувствующего уже человека, или окружающих его, верующих и близких ему людей? Если это угроза, то кому и чему? Неужели для того, чтобы отпевать моего мужа и молиться за него в церкви, я не найду или такого порядочного священника, который не побоится людей перед настоящим Богом любви, или непорядочного, которого можно было бы подкупить большими деньгами для этой цели?

Но мне этого не нужно. Для меня церковь есть понятие отвлеченное и служителями ее я признаю только тех, кто истинно понимает значение церкви.

Если же признать церковью людей, дерзающих своей злобой нарушать высший закон любви Христа, то давно бы все мы, истинно верующие и посещающие церковь, ушли бы от нее.

И виновны в грешных отступлениях от церкви – не заблудившиеся, ищущие истины люди, а те, которые гордо признали себя во главе ее и вместо любви, смирения и всепрощения стали духовными палачами тех, кого вернее простит Бог за их смиренную, полную отречения от земных благ, любви и помощи людям жизнь, хотя и вне церкви, чем носящих бриллиантовые митры и звезды, но карающих и отлучающих от церкви пастырей ее.

Опровергнуть мои слова лицемерными доводами легко. Но глубокое понимание истины и настоящих намерений людей – никого не обманет.

Графиня Софья Толстая».

26 февраля 1901 года.

Москва, Хамовнический пер., 21.

Всякий, прочитавший это письмо, не усомнится в его искренности, несмотря на нелогичность его построения. Это действительно крик негодования оскорбленной души.

Митрополит Антоний ответил Софье Андреевне тоже открытым письмом, более логичным, но менее искренним, как и следовало ожидать.

На Льва Николаевича этот эпизод произвел слабое впечатление. Вот что он записывает в своем дневнике от 19-марта:

«За это время было странное отлучение от церкви и вы-

званные им выражения сочувствия и тут же студенческие истории, принявшие общественный характер и заставившие меня написать обращение к царю и его помощникам и программу. Старался руководиться только желанием служить, а не личным удовлетворением. Еще не посылал. Как будет готово, пошлю».

Характерно то, что Л. Н-ч после этого отлучения более интересуется общественными вопросами, не имеющими прямого отношения к его отлучению, и ответ свой на отлучение пишет значительно позже, через полтора месяца после обнародования синодского послания. Оставаясь верными последовательности событий, мы остановим наше внимание на этих общественных событиях и на отношении к ним Л. Н-ча и уже потом перейдем к его ответу синоду.

В бессильной борьбе с возраставшим революционным движением правительство решилось на крайнюю меру и издало указ об отдаче в солдаты замешанных в революционной деятельности студентов. Эти так называемые «временные правила» уже начали входить в силу и, естественно, вызвали острое возмущение в русской интеллигенции всех партий.

В Петербурге произошла 4 марта большая демонстрация, окончившаяся свирепым избиением полицией демонстрантов и многочисленными арестами. В числе пострадавших на Казанской площади были и русские писатели: побоям подвергся Н. Ф. Анненский, аресту – П. Б. Струве, М. И. Ту-

ган-Барановский и другие. Все эти события подняли общественное настроение еще на большую высоту. 9 марта состоялось общее собрание членов Союза русских писателей, на котором единогласно было принято решение (протокол собрания был подписан 155 писателями) обратиться к министру внутренних дел с протестом против действий властей на Казанской площади и тех условий, которые вызывают такие события, какие имели место 4 марта. В ответ на посланное Союзом писателей в этом смысле министру внутренних дел заявление уже 12 марта от петербургского градоначальника Клейгельса в комитет Союза поступила бумага такого содержания: «По распоряжению господина министра внутренних дел, изложенному в предложении от 12 сего марта за № 2814, Союз взаимопомощи русских писателей закрыт, о чем объявляю комитету для сведения и соответствующих распоряжений».

Так окончил дни свои Союз писателей. По поводу этого факта на имя уже отдельных членов Союза (общее собрание не было разрешено даже для ликвидации дел Союза) стали притекать из разных мест России приветствия с выражением сочувствия Союзу. Одно из таких приветствий Союзу, полученное из Москвы ныне покойным П. И. Вейнбергом (он был тогда председателем комитета Союза), гласило:

«С искренним сочувствием узнали мы о протесте петербургских писателей против зверских поступков полиции 4 марта и последовавшем от Союза русских писателей заявле-

нии. Заявление это повлекло за собой закрытие Союза. Мы думаем, что закрытие это будет скорее полезно, чем вредно для тех целей, которые дороги русским писателям. Закрытием Союза администрация признала себя виновной и, не будучи в состоянии оправдать свои незаконные поступки, совершает еще новый акт насилия, тем самым еще более ослабляя свое и усиливая нравственное влияние борющегося с ней общества. И потому мы от всей души благодарим вас за то, что вы сделали, и надеемся, что деятельность ваша, несмотря на насильственное закрытие Союза, не ослабнет, а окрепнет и продолжится в том же направлении свободы и просвещения, в котором она всегда проявлялась среди лучших русских писателей».

Приветствие это, покрытое многими подписями, было открыто подписью: Лев Толстой.

Далее следовали подписи графини С. А. Толстой, И. Л. Толстого, Крандиевских, Маклаковой, князя Д. И. Шаховского, С. А. Скимунта и многих других.

Во время этой демонстрации на Казанской площади один из присутствовавших, князь Вяземский, несмотря на свое придворное звание возмущенный поведением полиции, заступился за избиваемых и был так же грубо оттолкнут и арестован. Конечно, его скоро выпустили, но поступок его был признан в придворных сферах предосудительным, и он получил выговор от государя.

Это обстоятельство также вызвало общественный про-

тест, в котором принял участие Л. Н-ч. Он сам составил сочувственное обращение к князю Вяземскому и подписал его вместе с другими общественными деятелями. Текст этого обращения таков:

«Уважаемый князь Леонид Дмитриевич.

Мужественная, благородная и человеколюбивая деятельность ваша 4-го марта перед Казанским собором известна всей России.

Мы надеемся, что вы, так же как и мы, относите выговор, полученный вами от государя за эту деятельность, только к грубости и жестокости тех людей, которые обманывают его. Вы сделали доброе дело, и русское общество всегда останется вам благодарным за него.

Вы предпочли отдаться чувству негодования против грубого насилия и требованиям человеколюбия, а не условным требованиям приличия и вашего положения, и поступок ваш вызывает всеобщее уважение и благодарность, которые мы вам и выражаем этим письмом».

Однако, Л. Н-ч, подписывая эти обращения, ясно сознавал цену этих общественных, особенно студенческих волнений и, заступаясь за обиженных, он не одобрял их поведения... Вот что он записывает в своем дневнике в это время:

«Люди, имеющие в виду народ и его благо, совершенно напрасно, — и я в том числе — приписывают важность волнениям студентов. Это, собственно,

раздор между угнетателями — между уже готовыми угнетателями и теми, которые только еще хотят быть ими».

Тем не менее продолжающиеся угнетения и беспорядки вызвали Л. Н-ча на более энергичное выступление. Он пишет письмо «царю и его помощникам» и отдает его для возможно большего распространения; 25-го марта он его отсылает по назначению. Кроме этого, хорошо всем известного «Письма к царю и его помощникам», Л. Н-ч написал еще краткое обращение под названием «Чего желает прежде всего большинство людей народа». Это представляет резюме «письма к царю» и гораздо менее первого известно публике, и потому мы его приводим здесь целиком:

Чего желает прежде всего большинство людей русского народа.

Желает прежде всего большинство русского народа: во-первых, уничтожения всех особенных законов для крестьянского населения, а именно — уничтожения земских начальников, распоряжающихся крестьянами по своему произволу; уничтожения всех особенных крестьянских повинностей: подводной, квартирной, деревенской полицейской (сотские, десятские), в, которых не принимают участия другие сословия; уничтожения всех особенных правил об отношениях рабочих к нанимателям; уничтожения круговой поруки; уничтожения выкупных платежей

за землю, уже давно выкупленную крестьянами, если считать платимые ими проценты в таком размере, в каком они взимаются в государственных учреждениях. Уничтожения удерживаемого для крестьян бессмысленного, ненужного и только позорного телесного наказания.

Во-вторых, желает, чтобы правила об усиленной охране нигде не применялись, так чтобы все люди всегда и везде управлялись одними общими законами. Желает этого народ потому, что эти правила усиленной охраны подчиняют людей самовластию часто дурных начальников, развивают шпионство, доносы, поощряют и вызывают употребление против крестьян и рабочих жестоких телесных наказаний в случаях земельных и фабричных волнений. Главное, вводят отмененную прежде, противную христианству, развращающую людей смертную казнь.

Желает, в-третьих: свободы образования и воспитания, т. е. чтобы имели право все основывать школы, как низшие, так и высшие, чтобы преподавать имел право всякий человек, не лишенный этого права по суду, и чтобы преподавание во всех школах велось на языках тех народов, для которых они устроены. Чтобы все без различия исповедания и национальностей могли поступать и отдавать своих детей во все существующие школы, чтобы не было исключений для книг, допускаемых в библиотеки и читальни.

Желает, в-четвертых и главное, чтобы были уничтожены все законы, стесняющие людей в

исповедании их веры, чтобы были уничтожены законы, карающие как преступление переход из признанной правительством веры в другую, а также и беспрепятственное для каждого, гласное исповедание своей веры, чтобы не были запрещены службы в староверческих часовнях, церквях и собрания в молитвенных домах молокан, штундистов и других. Чтобы всякий верующий мог исповедовать то, что он считает истиной, и мог в ней воспитывать и детей своих.

Можно желать еще очень многого, но мы думаем, что эти 4 меры, если бы они были приняты правительством, успокоили бы волнения и установили бы нужное для блага всех взаимное доверие между народом и правительством.

16 марта 1901 г. Москва».

Некоторые друзья Л. Н-ча, искренно расположенные к нему, но зараженные интеллигентным либерализмом, были поражены и огорчены, что в «письме к царю и его помощникам» Л. Н-ч не только не выставил на первый план, но даже не упомянул о «свободе слова» и «свободе печати».

Л. Н-ч в письме к одному другу так возражал на эти обвинения:

«О свободе слова не упомянуто мною наисознательнейшим образом. Замечания всех интеллигентов о том, что это необходимо включить, только еще более утверждают меня в необходимости не упоминать об этом. Все четыре пункта поймет самый серый представитель 100 миллионов. Свобода же

печати не только не нужна ему, но он не поймет, зачем она, когда ему не дают книг разрешенных. Вообще я думаю, что прежде всего нужно народу, чтобы его не выделяли от других, и все 4 пункта трактуют об этом (за исключением свободы совести, которая есть основа всего и сознательно нужна народу).

Я смотрю снизу от 100 миллионов, и потому понятно, что те, кто смотрит сверху от полмиллиона либералов и революционеров, видят другое.

Если свобода слова, то свобода собраний, представительство и весь катехизис, исполнение которого не дает ничего, кроме воображения, что люди свободны. Теперь народ может желать того, чтобы его не выделяли из всех; потом, если он будет желать чего, то прежде всего освобождения земли от собственности, потом от податей, накладываемых кем-то, потом от солдатства, потом от суда, а не свободы печати, представительства, 8-ми часового рабочего дня, касс и т. п.»

Наконец Л. Н-ч приступает к ответу на постановление синода, вынужденным к этому обстоятельствами. Он так объясняет мотивы своего ответа:

«Я не хотел сначала отвечать на постановление обо мне синода, но постановление это вызвало очень много писем, в которых неизвестные мне корреспонденты – одни бранят меня за то, что я отвергаю то, чего я не отвергаю, другие уверяют меня поверить в то, во что я не переставал верить, и третьи выражают со мной единомыслие, которое в действи-

тельности едва ли существует, и сочувствие, на которое я едва ли имею право; и я решил ответить и на самое постановление, указав на то, что в нем несправедливо, и на обращение ко мне моих неизвестных корреспондентов».

В ответе своем он обличает авторов послания в целом ряде нелепостей и поправляет смысл их нападения, указывая, в чем их обвинение правильно, в чем нет. И самую правильность обвинения он обращает на них же, так как с новою силою утверждает и разъясняет те мысли, за которые он подвергается осуждению.

Наконец он с новой силой высказывает вкратце свое верование, расширяя его до размеров всемирной религии истины. Вот его заключение:

«Верю я в следующее: верю в Бога, которого понимаю как Дух, как любовь, как Начало всего. Верю в то, что Он во мне и я в Нем, Верю в то, что воля Бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, которого понимать Богом и которому молиться считаю величайшим кощунством. Верю в то, что истинное благо человека – в исполнении воли Бога, воля же Его в том, чтобы люди любили друг друга и вследствие этого поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними, как и сказано в Евангелии, что в этом весь закон и пророки. Верю в то, что смысл жизни каждого человека поэтому только в увеличении в себе любви; что это увеличение любви ведет отдельного человека в жизни этой ко все большему и большему благу, дает после смер-

ти тем большее благо, чем больше будет в человеке любви, и вместе с тем более всего содействует установлению в мире царства Божия, т. е. такого строя жизни, при котором царствующие теперь раздор, обман и насилие будут заменены свободным согласием, правдой и братской любовью людей между собой. Верю, что для преуспевания в любви есть только одно средство – молитва; не молитва общественная в храмах, прямо запрещенная Христом (Мф. VI, 5-13), а молитва, образец которой дан нам Христом, – уединенная, состоящая в восстановлении и укреплении в своем сознании смысла своей жизни и своей зависимости только от воли Бога.

Оскорбляют, огорчают или соблазняют кого-либо, мешают чему-нибудь и кому-нибудь или не нравятся эти мои верования, – я так же мало могу их изменить, как свое тело. Мне надо самому одному жить, самому одному и умереть (и очень скоро), и потому я не могу никак иначе верить, как так, как я верю, готовясь идти к тому Богу, от которого исшел. Я не верю, чтобы моя вера была несомненно на все времена истинна, но я не вижу другой, более простой, ясной и отвечающей всем требованиям моего ума и сердца. Если я узнаю такую, я сейчас же приму ее потому, что Богу ничего, кроме истины, не нужно. Вернуться же к тому, от чего я с такими страданиями только что вышел, я никак уже не могу, как не может летающая птица войти в скорлупу того яйца, из которого она вышла.

«Тот, кто начнет с того, что полюбит христианство более

истины, очень скоро полюбит свою церковь или секту более, чем христианство, и кончит тем, что будет любить себя (свое спокойствие) больше всего на свете», — сказал Кольридж.

Я шел обратным путем, Я начал с того, что полюбил свою православную веру более своего спокойствия, потом полюбил христианство более своей церкви, теперь же люблю истину более всего на свете. И до сих пор истина совпадает для меня с христианством, как я его понимаю. И я исповедую это христианство; и в той мере, в которой исповедую его, спокойно и радостно живу и спокойно и радостно приближаюсь к смерти».

Из писем и телеграмм, выражающих сочувствие или порицание Л. Н-чу по случаю постановления синода, составила́сь целая литература. В нашем распоряжении имеется около сотни подобных выражений сочувствия и порицания, и мы постараемся дать краткое обозрение этих документов, ярко освещающих отношение ко Л. Н-чу различных классов русского общества и рабочего народа. Мы полагаем, что это отношение рисует весьма важный момент в истории русского народа, и мы посвящаем этому обозрению следующую главу.

Глава 3. Выражения сочувствия по случаю отлучения

Александр Никифорович Дунаев, один из друзей Льва Николаевича, теперь уже умерший, собравший письма и телеграммы, полученные Л. Н-чем по случаю его отлучения, дает такое объяснение сделанному им отбору из этих писем; в письме к В. Г. Черткову он говорит:

«Посылаемые мною копии представляют собою одну десятую всех писем, полученных Л. Н-чем по поводу его отлучения. Письма ругательные, укоризненные и несочувственные почти все; остались не переписанными такие, которые просто скучны и бесцветны.

Все, что посылаю, подобрано как характерное отношение людей разного умственного и нравственного уровня к человеку, ставшему центром духовной жизни человечества.

Сочувственных писем так много, что печатать их все значило бы десятки раз повторять те же мысли, только в разных выражениях. Подписей не прилагаю, так как это, может быть, было бы неприятно писавшим. Может быть, было бы лучше не печатать и место отправления, чтобы не подвергать корреспондента из какого-нибудь маленького города или деревни полицейскому розыску. Все громадное количество писем заграничных, полученных со всех концов земли, остается в стороне: их я не трогал по двум причинам: во-первых, от-

ношение ко Л. Н-чу людей, живущих за пределами России, выражалось всегда свободно и не могло встречать тех препятствий, которым подвержено обнаружение сочувствия ко Л. Н-чу в России, и потому оно уже известно всему образованному миру, во-вторых, переписка с иностранных языков слишком затруднительна, и в особенности с таких, как испанский, венгерский, чешский, голландский и др. мало распространенных наречий.

Важно то, чтобы за границу узнали, как отнеслось громадное большинство *в самой России* к попытке людей мрака и лжи затмить и опозорить имя величайшего человека всех времен и народов, который живет среди нас. И та часть писем, которую вы напечатаете, даст понятие о том, какой взрыв негодования, презрения к себе вызвали защитники лжи своей гнусной и лицемерно прикрывающейся якобы любовью вылазкой против того, к слову которого прислушивается весь мир, и сколько любви и сочувствия ему таится в душе русского народа, 0,99 которого не смеют открыто выразить свои истинные симпатии из боязни подвергнуться насилию и гонению. Как хочется дожить до того дня, когда весь русский народ открыто покажет, с кем он, и отвернется от той безнравственной шайки обманщиков, думающих, что они еще сильны суеверием народа, и гонящих от него всякого человека, несущего ему свет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.